

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

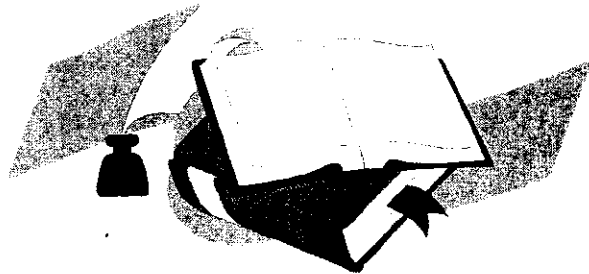
ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

ПРОФЕССОР В. Г. БЕРЕЗИНА

Этика и культура научной работы

Несколько советов молодым исследователям,
вступающим в науку

Санкт Петербург
1999

СЛУЖЕНИЕ

Старейшина кафедры... В этом понятии — глубокий смысл. За ним — петербургская, ленинградская филологическая школа, воспоминание истоков — того, что журфак вышел из филфака, где усилиями крупнейших ученых во главе с одним из учителей профессора Валентины Григорьевны Березиной — Владиславом Евгеньевичем Евгеньевым-Максимовым начинала складываться петербургская школа истории журналистики.

50 лет тому назад В. Г. Березина, молодой педагог и ученый, пришла на кафедру истории журналистики. Ее научные интересы уже в то время были тесно связаны с тем предметом, который она преподавала. Сначала это была журналистская деятельность Николая Полевого. Ему посвящены первые научные труды и кандидатская диссертация Валентины Григорьевны. Но ей посчастливилось найти историческую фигуру, ставшую для нее, можно

сказать, путеводной звездой: это был В. Г. Белинский. С этим именем она прошла всю свою жизнь в Науке и Педагогике.

Творчество В. Г. Белинского, его наследие было средоточием социально-философской мысли первой половины XIX века, идей, питавших эстетику и развитие литературного процесса. Наследие «Неистового Виссариона» позволило Валентине Григорьевне выйти на такие проблемы, которые всегда актуальны для студента факультета журналистики: творческая лаборатория публициста, особенности общения с аудиторией, тип издания и его качественная характеристика, проблемы типологии и др. И это же позволило В. Г. Березиной отстаивать свою научную автономию в исследовательской деятельности в небольшом кафедральном коллективе, сосредоточить свои научные интересы, что не всегда удается и что часто определяет успех ученого и педагога. В такой позиции В. Г. Березиной уже сказывался ее сильный характер.

Около 50 научных работ написала Валентина Григорьевна о творчестве, жизни и деятельности В. Г. Белинского. Достоянна восхищения преданность ученого его творчеству в любых усло-

виях. Здесь уместно напомнить слова маститого филолога-художника профессора А. В. Запавова, рецензировавшего в «Вестнике Санкт-Петербургского университета» книгу В. Г. Березиной «Этюды о Белинском — журналисте и критике» (Л. 1991): «Мы зачастую склонны шарохаться из стороны в сторону. То магистральной линией в развитии общественной мысли, литературы, критики и журналистики считаем революционно-демократическое направление, то это направление (и естественно, его представителя — Белинского) начинаем начисто зачеркивать. Видя в Белинском только сторонника, активного защитника «социальной идеи», подчеркиваем ограниченность (и даже вредность) его эстетической позиции, отрицаем его значение для прошлого и настоящего нашей культуры, то есть совершаем грубую историческую ошибку. Иного мнения придерживается В. Г. Березина. В деятельности В. Г. Белинского как журналиста и литературного критика она справедливо выделяет такие стороны, которые позволяют Белинскому и теперь «быть с нами» (1993. Сер. 2. Вып. 3 (№16). С. 122).

Прав был один из учеников В. Г. Березиной, выпускник факультета журналистики и извест-

ный питерский публицист Лев Сидоровский, заметивший с долей юмора в своей поэме, посвященной Валентине Григорьевне:

Какой-то силой сатанинской

Связало эти имена:

Н. Полевой, В. Г. Белинский,

А также В. Березина.

Конечно, жаль, что для рифмы автору пришлось использовать слова, несущие в себе какое-то роковое предопределение. На самом деле в жизни Валентины Григорьевны был сознательный выбор и трудолюбивое, каждодневное 50-летнее служение большой Науке и Педагогике.

Во всем этом есть еще один существенный нюанс. Нередко ученый настолько увлекается предметом исследования, что забывает себя, полностью подпадая под влияние и обаяние сильной личности, с которой он встретился в ходе научной деятельности. И в этом отношении Валентина Григорьевна сохранила свою индивидуальность, свое лицо в научно-педагогической работе.

Ее труды филигранны, отделанны. В них пульсирует энергия, интересная, живая, увлекающая читателя мысль. Недаром А. В. Западов — филолог божией милостью писал об уже названной

книге В. Г. Березиной: «(...)просто удивляешься. Как много в ней сказано. Автор экономно пользуется словом, язык книги строг и лаконичен, аргументация отличается буквально математической точностью. И в то же время изложение ведется в свободной, непринужденной форме(...) гармонично сочетаются новизна проблематики и исследовательского подхода к материалу с доступностью изложения и изяществом слога (читается от этюда к этюду с неослабеваемым интересом)(...)»

Важным качеством настоящего ученого и педагога является умение не остаться явлением в себе, умение передать свой накопленный годами труда опыт. Естественно, главное в этом то, что наши выпускники-журналисты многих поколений помнят и любят Валентину Григорьевну: ее педагогическая практика способствовала их профессиональному становлению. Но среди них есть уже и крупные ученые. В их числе А. И. Станько — выпускник кафедры истории журналистики, доктор филологических наук, профессор Ростовского госуниверситета. Под руководством В. Г. Березиной он прошел аспирантуру на кафедре, защитил кандидатскую работу, а затем В. Г. Березина консультировала А. И. Станько

при создании им блестящей докторской диссертации по сложным проблемам эволюции теории журналистики в XIX веке. Хорошо известна в нашем университете ученица В. Г. Березиной, заместитель декана факультета журналистики, доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики Л. П. Громова.

Профессор В. Г. Березина до сих пор в боевом научно-педагогическом строю. Она с удовольствием встречается с молодежью — студентами и аспирантами. На недавнем заседании кафедры истории журналистики — Дне молодого исследователя Валентина Григорьевна поделилась своими мыслями о научном труде. Ее выступление вызвало неподдельный интерес у аудитории. И кафедра попросила Валентину Григорьевну обобщить сказанное на Дне молодого исследователя.

Предлагаем читателю небольшое эссе В. Г. Березиной, написанное ею в этом юбилейном для нее и кафедры году. Советы опытного мастера и в наступивший электронный век не устарели.

Заведующий кафедрой истории журналистики,
проф., доктор филологии **Жирков Г. В.**

НЕСКОЛЬКО СОВЕТОВ МОЛОДЫМ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ, ВСТУПАЮЩИМ В НАУКУ

В.Г.Белинский считал, что три сферы человеческой деятельности: журналистика, искусство и наука — требуют полной самоотдачи, не прощают равнодушия. Он писал в статье «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» (1836): «...журнал, также как искусство и наука, требует всего человека, без раздела, без измен себе».¹

Отложим в сторону журналистику и искусство. Остановимся на науке и посвятим именно ей наши заметки.

Да, действительно, наука не прощает равнодушного отношения к ней; «она требует всего человека, без измен себе».

В пору моей студенческой жизни на филфаке

¹ Белинский В.Г. Полн. Собр. Соч. в 13-ти томах. М., 1953. Т. 2. С. 140. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

Ленгосуниверситета (1930-е годы) у нас широко ходил афоризм профессора-античника Иосифа Моисеевича Тронского: «Наука — либо подвижничество, либо жульничество. Середины нет».

Может быть, это утверждение И.М.Тронского чересчур категорично, но большая доля истины в нем содержится. Ведь не даром же говорится, что наука требует жертв.

Занятие наукой — занятие трудоемкое, не допускающее равнодушия и лени.

Посвятившему себя научной деятельности зачастую приходится отказываться от многого в жизни, чем-то на время поступиться ради науки, а это подчас не легко. Вот тогда необходимо мобилизовать себя, помня предупреждение Белинского: «Только в силе воли заключается условие наших успехов на избранном поприще» (2, 195).

«Ни дня без строчки» — заповедь писателя; «ни дня без работы над избранной научной темой» — заповедь исследователя («работа» предполагает не только процесс писания, но и подбор материала, чтение источников, знакомство с литературой предмета, размышления, раздумья, связанные с темой исследования, ни на день не расставаясь с мыслью о нем. Полезно иметь ежедневный график работы. Накануне нужно знать, что делать завтра. В конце дня вести дневниковую запись, что сделано и что не сделано сегодня. Такой журнал дня вел Л.Н.Толстой — и не зря).

Необходимо выработать в себе неодолимую потребность работы над избранной темой, не позволять себе ни на сутки не отрываться от изучаемой темы. Если нарушится своего рода сращение исследователя с изучаемой проблемой, то возникнет, как следствие, взаимное охлаждение: у исследователя отпадет интерес к научным изысканиям, наступит перерыв в работе, а исследование (например, кандидатская диссертация), как бы в отместку за равнодушие со стороны исследователя, перестанет тянуть его к себе, начнет отталкивать от себя, превратится в тяжелый давящий камень. И как результат — научная катастрофа, ибо диссертация — огромный труд, требующий физического и психологического напряжения.

У Н.А.Заболоцкого имеются такие строки:

*«Не позволяй душе лениться,
Чтоб в ступе воду не толочь:
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь».*

Без нарушения смысла можно слово «душа» заменить на «мозги». И получится:

*«Не позволяй мозгам лениться,
Чтоб в ступе воду не толочь:
Мозги обязаны трудиться
И день и ночь, и день и ночь».*

Исследовательская работа — не только труд и забота, но и источник радости. Радость творчества окрыляет исследователя, стимулирует его на

новые поиски (а наука — всегда поиск), обеспечивает новые находки. Ведь недаром медики утверждают: удовлетворение в работе (и особенно в научно-исследовательской работе) — это залог здоровья и долголетия.

Когда исследователь постоянно думает о вопросе, который нужно решить, когда мысль об этом не покидает его, открытия приходят неожиданно. Приведу такой пример из собственного опыта.

В 1953 г. я комментировала 2-й том академического издания ПСС Белинского. В этом томе находилась театральная рецензия Белинского «Г-н Сосницкий на московской сцене в роли городничего», которая наделала много хлопот исследователям, так как не удавалось обнаружить источник высказывания Гете, приведенного Белинским в рецензии: «Гете сказал, что он никогда не почитал себя обязанным читать плохих авторов, но что он вменял себе в обязанность смотреть на посредственных и дурных актеров, чтобы тем лучше ценить хороших». А где сказал Гете — неизвестно. Ни один комментатор не обнаружил.

Прошло 24 года, и судьба вновь связала меня с рецензией Белинского «Г-н Сосницкий на московской сцене в роли городничего» (я комментировала Собр. Соч. Белинского в изд. «Художественная литература» в 1977 году). И вновь проблема — поиски источника высказывания Гете. Я знала, что Гете много писал о театре, игре актеров — в статьях, рецензиях,

письмах. Его высказывания собраны в специальных сборниках. Я много потратила времени в поисках высказывания Гете, приведенного Белинским. Но все безрезультатно. И вдруг удача! В 1970-х годах в Ленинграде в БДТ шла пьеса Л.Н.Рахманова «Беспокойная старость» (я была на одном из спектаклей). Там имеется такая сцена. У профессора Полежаева (ее играл Сергей Юрский) есть ученик, который часто бывает у профессора; он признался профессору, что после беседы с ним, он дома записывает его высказывания. И вдруг С.Юрский восклицает: «Вот появился новый Эккерман!» Не думаю, чтобы кто-нибудь из зрителей обратил внимание на упоминание имени Эккермана. А меня это имя буквально потрясло. Я вспомнила, что у Гете был ученик Иоганн-Петер Эккерман, который очень часто, почти ежедневно бывал у Гете и по возвращению домой подробно записывал высказывания, мысли и суждения своего учителя, которые потом собрал и издал в книге «Разговоры с Гете в последние годы его жизни» (Лейпциг, 1836). Белинский хорошо знал это издание по переводам своих друзей, неоднократно ссыпался на него. Когда я обратилась к книге Эккермана, я там нашла цитируемые Белинским слова Гете. Конечно, мне было очень отраднo, что этот комментарий я успела внести, работая над новым изданием Собрания сочинений Белинского (т. 2, изд. «Худ. лит-ра», 1977, с. 571-572).

В рецензии Белинского речь шла о спектакле

Большого театра в Москве 13 апреля 1838 г., когда игралась комедия Гоголя «Ревизор», причем в роли городничего неудачно выступил гастролер-актер петербургского Александринского театра И.И.Сосницкий. Обычно эту роль в Москве превосходно исполнял москвич М.С.Щепкин, но его в то время в Москве не было. И дирекция вынуждена была заменить его петербуржцем И.И.Сосницким, играющим эту роль на сцене Александринского театра в Петербурге. Сопоставив плохую игру Сосницкого на московской сцене с талантливой игрой М.С.Щепкина, Белинский пишет: «Только 13 апреля поняли мы талант Щепкина во всей его бесконечной силе».

Обстоятельства сложились так, что недавно мне нужно было перечитать эту рецензию Белинского. Перечла и буквально ахнула: как это в свое время я не обратила внимание на слова Белинского «Гете сказал» — ведь не «писал», а «сказал», значит, нужно было прежде всего искать в сборнике Эккермана «Разговоры с Гете в последние годы его жизни», а не в печатных текстах. Своей невнимательностью сама усложнила свои поиски источника слов Гете. Так бы и не нашла, помог С.Юрский, спасибо ему.

Наука — путешествие в неизвестное, и на этом пути могут встретиться разные неприятные неожиданности, которые хорошо, даже необходимо предвидеть заранее. На некоторых из них я постараюсь остановиться.

Объективность, серьезный теоретический уровень, строгий историзм, бережное отношение к факту, научная добросовестность — все это является необходимым условием, требованием научного исследования.

Нельзя строить надуманные концепции и подгонять под них материал, нельзя брать только то, что поддерживает мысль исследователя и умалчивать о том, что ей противоречит.

Необходимо избегать произвольного истолкования фактов. Ни в коем случае не допускать модернизации в характеристике прошлого — лиц и событий. Это противоречит объективности.

Необходимо рассматривать взгляды изучаемого автора во всей их сложности и противоречивости, не отбирать в его высказываниях только передовое, прогрессивное, не обходить молчанием или по возможности не нейтрализовать все, что этому противоречит. Т.е. не сглаживать ошибок изучаемого автора, не «выпрямлять» его позиции.

Однако объективность иногда грубо нарушается исследователями. Приведу несколько примеров. Это авторы книг о В.Г.Белинском: П.Мезенцев — «Белинский. Проблемы идейного развития и творческого наследия» (М., «Советский писатель», 1957) и М.Поляков — «Белинский — Личность. Идеи. Эпоха» (М., Гослитиздат, 1960).

Мезенцев, например, сообщает: «Под влиянием революционных событий 1830-1831 годов Бе-

линский написал первое крупное свое произведение — трагедию «Дмитрий Калинин» (С.61). Между тем известно, что события 1831 г. никак не могли повлиять на драму Белинского по той простой причине, что она была закончена еще в конце октября-декабря 1830 г.

Тот же Мезенцев, желая всемерно «поднять» Белинского, утверждает на стр. 191: «Белинский втайне от друзей читал Гегеля в подлиннике», хотя хорошо известно, что Белинский не владел немецким языком и труды немецких авторов познавал по переводам и переложениям своих друзей — М.А.Бакунина, Н.В.Станкевича, П.В.Анненкова. А слова «в тайне от друзей» нужны были Мезенцеву, чтобы скрыть тот факт, что Белинский нигде не писал, что он самостоятельно читал Гегеля в оригинале. Параллельно с «высокими» эпитетами, которыми неизменно сопровождается имя Белинского («знаменитый», «великий», «гениальный», «талантливый» и т.д.), который все знал и понимал лучше других современников, никогда не ошибался, в книге Мезенцева широко представлены уничижительные слова и выражения, используемые автором в целях усиления отрицательных характеристик лиц из окружения Белинского. Например, «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя названы «книжонкой» (С.271), о современных Белинскому теоретиках искусства и о последователях Гегеля говорится как о «пиг-

меях» (С.101, 124). Философия Фихте определяется как «надутое пустотой фиктианское Я», философия Гегеля как «гегельянщина» (С.154). В брошюре К.Аксакова о «Мертвых душах» Гоголя Мезенцев видит «лживое уподобление гоголевской поэмы древнегреческому эпосу» (С.468). Если речь идет о каком-нибудь деятеле реакционного лагеря, Мезенцев считает возможным подменять научную критику его воззрений резкими эпитетами типа «выбалтывает», «трубит», «разглагольствует» и т.п. (С.221, 461, 472 и др.). «Либеральным друзьям» Белинского инкриминируется «невыносимое либеральное краснбайство», «трусливые опасения», «коварные умыслы», «нечистые замыслы» (С.297, 299, 311, 315).

Философски образованный М.Бакунин, оказывается, изучал философию Фихте и Гегеля как ученик-первоклассник, и «в голове у него был сумбур» (С.155, 192). В.Майков характеризуется как «неудачный пророк», который переписывал кое-что у Белинского» (С.311) и т.д.

Перейдем к М.Я.Полякову, который не уступает П.А.Мезенцеву в нарушении объективности. Поляков хочет показать, что уже в первой половине 1830-х годов Белинский будто бы испытывал на себе непосредственное влияние политических и эстетических идей декабристов. Как он аргументирует свою мысль? Цитирует произведения (в том числе и рукописные) Ф.Н.Глинки,

Н.И.Тургенева, В.К.Кюхельбекера, К.Ф.Рылеева и других декабристов, не выяснив, читал ли Белинский вообще эти тексты. Например, на странице 161 называет «Мысли о составлении общества» декабриста Н.И.Тургенева. А этот труд во времена Белинского оставался за границей и был опубликован в России только в XX веке (в 1924 году).

На следующих страницах книги Полякова уже просто констатируется как факт, им доказанный, знание Белинским важнейших политических сочинений декабристов. С этой целью он «подправляет» высказывания самого Белинского. На стр. 270 Поляков пишет за Белинского: «Произведения Шиллера, так же как и сочинения декабристов, наложили на меня, — признается Белинский, — дикую вражду к общественным порядкам». Источник цитаты Поляков не указывает специально, чтобы читатель не смог проверить. Я нашла его. Это из письма Белинского к Н.В.Станкевичу от 29 сентября — 8 октября 1839 г. И в нем на сочинения декабристов намека нет: речь идет только о драмах Шиллера.

Поляков стремится всячески «поднять» Белинского в глазах современных читателей. Сказав, что и «цепи и тюрьмы» грозили Белинскому «в течение всей его короткой жизни» (С.295-296), М.Поляков ссылается на будто бы собственное «свидетельство», пишет уже от себя: «перебирая в письме к Бакунину всевозможные беды, которые мо-

гут случиться с ним, Белинский называет среди них «ссылку», «заточение», «пытку». Он готов ко всему». В письме Белинского к М.Бакунину от 16 августа 1837 г. действительно содержатся слова «ссылка», «заточение», «пытка», но они употреблены совсем не в том смысле, в каком хочет представить исследователь. Белинский имел в виду не свои убеждения и возможную кару за них, а свое отношение к поведению Н.В.Станкевича. Белинский оправдывает Станкевича, который, будучи помолвлен с Л.А.Бакуниной, понял, что не любит Бакунину, но, не желая огорчать девушку, под предлогом болезни уехал за границу. По мнению Белинского, лучше разрыв, чем жизнь с нелюбимым человеком: такая жизнь была бы хуже «пытки», «заточения» и т.д. Т.е. тема чисто бытовая, а Поляков возвел ее в политическую.

Закончив разговор об объективности и ее нарушениях в работах П.А.Мезенцева и М.Я.Полякова, перейдем к теме этика научного исследования, культура научного труда. Здесь главное — не забывать о предшественниках.

С предшественниками можно соглашаться или не соглашаться, но умалчивать об их работах, о том, что они сделали, не полагается.

Еще Н.М.Карамзин предупреждал в «Московском журнале» (1791, № 8, С.248): «Самая гражданская честность обязывает нас не присваивать себе ничего чужого: ни делами, ни словами, ни молчанием».

Жаль, что об этом, можно сказать, руководящем высказывании Карамзина упорно забывают: его никто и нигде не цитирует.

Если какие-то положения предшественника требуют критики, то, прежде чем с ним полемизировать, нужно выяснить, не подвергались ли они справедливой критике уже до вас, и вам уже не следует сражаться с «ветряными мельницами». А то бывает так, что молодой исследователь начинает полемизировать с теми утверждениями до-революционных авторов, которые уже «сняты» современными исследователями, непосредственными предшественниками начинающего ученого. В культуру научного труда обязательно входит культура полемики с противником. Спор не снижать до брани. Спор надлежит вести корректно, без грубостей, не голословно, а опираться на факты, на веские аргументы. Не забывать мудрое предупреждение В.И.Ленина: «Брань — есть довод тех, у кого нет аргументов».

Теперь отмечу несколько моментов практического характера.

Все начинается с выбора темы. Здесь два момента: объективный и субъективный. Объективный момент. По степени изученности темы делятся на 3 группы: 1) когда тема совсем не изучена («белое пятно» в науке); 2) когда изучена неполно; 3) когда решение рассмотренных в ней вопросов спорно и требует пересмотра.

По содержанию одни темы носят более теоретический, проблемный характер, другие более практический, узкий. Оба типа тем нужны. Нередко частные исследования узких тем составляют основу фундаментальных работ.

Субъективный момент.

Тема должна соответствовать личной склонности исследователя (быть ему по душе), а также его способностям. Нужно подобрать себе такую тему, чтобы при ее разработке автор имел возможность на деле применить свои способности и склонности.

Важно, чтобы тема не загубила исследователя, а исследователь не загубил тему. Один автор предпочитает исследовать вширь, другой — вглубь. У одного автора склонность к теоретическим проблемам, у другого — к конкретным, материально-фактурным.

При гармонии объекта исследования и субъекта-исследователя работа спорится, захватывает, увлекает.

Однако хочется сделать предупредительную оговорку. Увлеченность предметом исследования — это хорошо, но в разумных пределах, под строгим контролем ума. Иначе получится перекокс, нарушится принцип объективности. Восхищение избранным предметом отнимет у автора способность правильно думать, судить, оценивать.

Название работы — заголовок. В название ра-

боты входит тема и проблема. Без проблемы тема не звучит. Тема — это, так сказать, сюжет работы, о чем работа.

Проблема — как, под каким углом зрения она будет рассматриваться: это, по существу, направление.

Иногда в название работы входят и тема и проблема.

А бывает, что проблема дается отдельной фразой после темы; она часто закладывается в скобки.

Автор исследования должен продемонстрировать свежесть мысли, новый взгляд на изучаемый предмет. Новизна исследования вовсе не означает отказ от того, что уже сделано предшественниками. Иногда новый взгляд, новая точка зрения подготовлены тем, что уже сделано предшественниками. Новизна работы прежде всего в выдвижении новых проблем. Но сюда же относится новый взгляд на исследованную ранее проблему в свете требований, стоящих перед современной наукой.

Итак, тема — область занятий, название работы.

Проблема — направление, угол зрения на тему.

А по каким линиям пойдет исследование — это в названии глав.

После того, как определена тема и проблема будущей работы, начинается сам процесс исследова-

ования. Он состоит из двух фаз (стадий): 1) сбор и обзор источников (тексты) и литературы; 2) процесс написания.

Начало работы — сбор материала по теме и его систематизация.

Выписки рекомендуется делать на карточках (размер — 0,5 машинописной страницы) или в тетради. Карточки удобнее. Их проще группировать по темам, по разделам всей работы (главы). Собираете материал по отдельным главам. Карточки раскладываете по конвертам глав.

Если для выписок используются тетради, то обязательно с полями и чистой обратной стороной, на которую вносятся добавки и ваши пометы. Обязательно нумеруют страницы в тетради и сами тетради. А потом составляется путеводитель по тетради.

Когда я работала над темой «Газета 1860-х годов», я использовала и карточки, и тетради. В одной тетради — цензурные материалы, в других — газеты разные: русские, московские, провинциальные, в третьих — газеты по темам: о новом типе газет, о новых газетных жанрах и рубриках.

Не плохо завести вспомогательную тетрадь или книжечку, которую всегда носить при себе и записывать в нее все, что в голову придет в связи со своей темой. Какие вопросы возникают сейчас? Может быть, они и не пригодятся, но раз возникают — должны быть зафиксированы.

Первая стадия — сбор и обзор источников и научной литературы. По составленной библиографии знакомитесь с литературой. Фиксируете ее в строго научном порядке публикаций, чтобы ясно было, что за чем шло. Если, просмотрев данную работу, не обнаружили ничего, относящегося к вашей теме, сделать помету на обороте библиографической карточки или на обратной (чистой) странице тетради. И тогда вторично обращаться к этой книге (или статье) будет не нужно.

Если время работы над избранной темой ограничено (например, условия диссертационного исследования), рекомендуется составить ежедневный план — график работы (зафиксировать, что сделано в течение дня из запланированного и что планируется на завтра). Такой журнал дня вел Л.Н.Толстой. А мой дипломник выпуска 1952 года Б.П.Слуцкий называл его «колдунчик».

Собирать материал для определенной главы, но попутно и для других глав, раскладывать по разным конвертам.

Содержание работы окончательно вырисовывается, уточняется, когда материал более-менее собран. Но «угол зрения», под которым нужно собирать и осмыслять, рассматривать первоисточники, должен быть известен в самом начале, еще перед сбором материала.

Точный исследовательский маршрут, пункт назначения хотя бы в общих чертах автору дол-

жен быть известен уже перед началом работы. Нужно сесть в правильный поезд, который (пусть с остановками, даже с заходом на ненужные станции), но все равно прибудет к цели назначения.

Когда полагается заканчивать собирать материал и начинать писать? Законов нет. И все же рекомендуется не затягивать процесс сбора материала.

Но писать целесообразно не раньше, как хотя бы в общих чертах будет обдуманно направление работы. Белинский считал, что человек должен созреть до вопроса. Правильно поставленный вопрос — только начало работы. Правильно сформулировав вопрос, нетрудно искать на него ответ, вести поиск (а ведь научная работа — всегда поиск).

Мой студенческий руководитель лермонтовед профессор Борис Михайлович Эйхенбаум очень точно определил существо научной работы: «Науку движет вопрос: *почему так?* Поиск ответа на поставленный вопрос — это есть процесс научного творчества, научного исследования». Действительно, самый текст работы (ее главы) — это поиск ответа на вопрос, вынесенный в заголовок.

Нельзя приниматься писать, не обдумав ясно, всесторонне, что и как должно быть написано и в какой последовательности будет излагаться. Здесь полезно припомнить совет Н.Г.Чернышевского — «не приниматься писать, не обдумав ясно и строй-

но, что должно быть написано (...) обдумывай, обдумывай, потом ничего не будет стоить написать, а написанное необдуманно ничего не стоит, или попросту выражаясь: пять раз примерь, раз отрежь»².

Написанное необдуманно принесет много огорчений автору работы. Начнутся перестановки текста, бесконечное число новых редакций. А это все уносит время и влияет на нервы.

Хочу предупредить. Эпистолярный материал может подвести. Необходимо учитывать: когда, в связи с чем и кому письмо. Письма к разным лицам — и разные оценки одного и того же лица, ситуации, события. Характер письма зачастую зависит от настроения пишущего в данный момент. В другое время письмо может иметь иной смысл.

Исследователю часто приходится пользоваться архивами. Начинать нужно не с архивов. Работа в архивах очень трудоемкая. Можно зря потратить много времени. Может получиться так: нашли в архиве свежий документ, процитировали его, сославшись на архив. И все зря. Оказывается, этот материал уже до вас обнаружен и использован предшественником. Так что вам нужно сослаться не на архив, а на первую публикацию. То есть перед походом в архив нужно подгото-

² Н.Г.Чернышевский. Сочинения А.С.Пушкина // ПСС, т.2, М., 1949, С.456.

ся: предварительно узнать, какие госархивы существуют, ознакомиться с описанием этих архивов. Придя в архив, обязательно проконсультироваться с сотрудником архива, что вам нужно добыть. Это намного ускорит ваши разыскания.

В научном исследовании часто приходится пользоваться цитатами. Цитирование — дело не простое; оно требует особого к себе внимания.

Цитата в научном труде — и добро, и зло (в зависимости от ее места в работе). Она не иллюстрация, не украшение. И в работу введена только потому, что служит аргументом, доказательством вашей мысли.

К культуре научного труда относится правильное использование цитат. Нельзя цитировать как по устаревшим, так и по разным современным изданиям. Если нужная цитата встретилась в устаревшем издании, ее нужно перевести на новое, наиболее авторитетное издание и на него сослаться.

Ни в коем случае не брать цитаты «из вторых рук», т.е. по чьей-то работе. Иногда они исследователя подводят. Предшественник мог сам неточно процитировать или дать неверную сноску на источник. Цитаты требуют перепроверки по первоисточнику и только после этого их можно внести в свою работу.

Небрежно, например, работает с цитатами исследователь Белинского П.Мезенцев. На странице 300-301 упомянутой выше книги он (по его

словам) «цитирует» письмо В. Боткина к П. Анненкову, причем ссылка дана на книгу П. Сакулина «Русская литература и социализм» (ч. 1, М., 1924, С. 190.). Но цитируемые Мезенцевым слова, будто бы принадлежащие Боткину, принадлежат не ему, а самому Сакулину (очевидно, при работе над своей книгой Мезенцев в рукописи поставил не там кавычки — закавычил ошибочно и слова Сакулина) и это перешло в печатный текст его книги. О том, как «вольно» обходился с цитатами из Белинского М. Поляков, я уже упоминала выше.

Иногда хитроумный исследователь обрывает цитату на том месте, где ему выгодно — это недопустимый прием «усеченных цитат».

Возмутительно, когда неточная цитата или оборванная («усеченная») используется исследователем как аргумент в поддержку его мысли.

Недопустим также прием раскавыченных цитат, которые часто встречаются в работах молодых исследователей либо по незнанию, либо специально. Списал с чьей-то работы нужную мысль, кусок текста, а кавычки не поставил, то есть выдал за свое, и получился плагиат, т. е. литературное воровство (от лат. **Plagium** — похищение). Правда, бывает и невольный плагиат, когда не поставлены кавычки случайно, второпях, по небрежности. Но все равно вышел плагиат.

Позволю себе сделать несколько практических советов по части цитирования. Желательно вво-

дить цитату своими словами, помогающими читателю понять, на что он должен прежде всего обратить внимание.

Не злоупотребляйте цитатами, не делайте из работы монтаж цитат. Избегайте больших цитат: они затрудняют чтение работы и ослабевают внимание читателя.

При сокращении цитаты сокращенный текст (вне зависимости от его объема) заменяют тремя точками, причем эти точки нужно обязательно заключать в скобки (угловые или круглые — все равно). Тогда читателю будет ясно, что точки не в цитируемом тексте, не в первоисточнике, а принадлежат исследователю. К сожалению, этого не знают многие категории исследователей.

Ссылки на источники цитаты необходимы при каждой цитате. Они даются

- а) в подстрочнике или в конце главы или книги,
- б) в тексте сразу за цитатой — сокращенно (в скобках, если источник цитаты повторяется).

Но, кроме того, подстрочные сноски могут служить не только для указания на источник цитаты, но и для текста, если он несколько разбивает повествование, уводит в сторону, а вам нужен.

Теперь поделюсь некоторыми советами, касающимися процесса писания научного текста, диссертации.

Как писать? Не обязательно с самого начала и не обязательно в строгой последовательности

глав. Можно кусками. Можно кусками, когда проясняются отдельные моменты, но не забывая главной идеи, «нерва», стержня всей работы и данной главы.

Структура работы более-менее постоянна. Работа состоит из «Введения», отдельных глав (3-5, не более) «Заключения» (или «Выводов»), «Списка использованной литературы» и, возможно, «Приложения» (если то необходимо и в главы не вошло).

«Введение» — не привязка, а органическая, очень существенная часть работы. В нем сказано, почему автор избрал эту тему, раскрыл ее новизну, что сделано или не сделано предшественниками (т.е. дан критический взгляд на их основные труды). Во «Введении» объясняется композиция работы: почему так, а не иначе построена работа, почему так названы главы и почему они расположены именно в такой последовательности. Читатель должен видеть, кроме ясного плана, четкую, внутреннюю композицию предложений: одно должно вытекать из другого, чтобы переставить их было невозможно. Каждая глава заканчивается выводами, вытекающими из ее содержания, должна подводить к главному выводу читателя (не только автора!). Не забывайте, что по строю русского языка основной смысл, основная смысловая нагрузка падает на конец фразы.

Нужно уметь прочитать свою работу глазами другого человека.

Огрехи будут ощущаться, если прочтете свой текст вслух (это совет проф. Б.М.Эйхенбаума). Выработать в себе привычку прислушиваться к мнению оппонента, причем не только положительному, но и критическому.

«Введение» пишется два раза. Оно может все время пополняться новым материалом.

Сначала пишется «Введение» краткое, установочное, «рабочее», «для себя». Показываете цель, пути исследования, почему так строится работа, завязываете узлы, а развязывать будете в главах. Радищев «Введение» окончательно писал, завершая «Путешествие из Петербурга в Москву».

А как писать не большое фундаментальное исследование, а небольшую статью? В своей практике стремлюсь сначала дать первую фразу (отправление, задачу) и последнюю фразу — вывод, к которому нужно привести. А потом писать текст — после обдумывания. Первая фраза задает тон, направление. Как музыкальная в увертюре, она будет сопровождать все главы.

Язык и стиль научного исследования. Аргументировать свои положения и полемизировать с оппонентами не эмоциями, а фактами. В понятие «академический стиль» входит умение отделить главное от неглавного.

Считается, что научное исследование пишется научным академическим, чистым литературным языком, без вульгаризмов, штампов. Однако

это не исключает присутствия в научном исследовании живой разговорной речи, художественности, если она не является самоцелью.

Несколько слов об атрибуции. Исследователю приходится сталкиваться с проблемой атрибуции — определением авторства анонимного произведения.

Доказательства авторства — 2 типа:

а) признаки прямые, бесспорные (документальные свидетельства — об авторе; достаточно одного).

б) признаки косвенные («похоже»): стиль, тематика — они берутся в совокупности: одного признака недостаточно).

При наличии псевдонима помогает справочник «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей». Автор — Иван Филиппович Масанов. 4 тома. М., Всесоюзн. Книжная палата. 1956-1960. И.Ф.Масанов скончался в 1945 г. Издание подготовил к печати его сын Юрий Иванович Масанов. От псевдонима — к автору, от автора — к псевдониму.

Приведу пример, как мне удалось атрибутировать псевдоним «Журнальный сыщик» издателью журнала «Московский телеграф» Н.А.Полемому.

В 1827 г. в «Московском телеграфе» был открыт специальный отдел «Журналистика», материалы которого печатались в основном за подпи-

сью «Журнальный сыщик». Кому принадлежит этот псевдоним? Считалось, что П.А.Вяземскому. Основание — его письмо к М.П. Погодину от 28 апреля 1869 г., в котором Вяземский писал: «Я постоянно и всячески щелкал Булгарина «Северную пчелу» под именем «Журнального сыщика». Аргумент бесспорный.

Однако тщательный просмотр материалов, подписанных «Журнальным сыщиком», убедил меня, что не все материалы за подписью «Журнальный сыщик» принадлежат Вяземскому, что это псевдоним коллективный, что так подписывал статьи и заметки, в частности, сам издатель «Московского телеграфа». Как же быть? Собственное свидетельство Вяземского о принадлежности ему псевдонима «Журнальный сыщик» — аргумент первостепенный, прямой, бесспорный, неоспоримый.

И вдруг (о, радость!) я нашла и другое свидетельство Вяземского, на которое никто не обращал внимание. Когда готовили Полн. Собр. Соч. Вяземского, а он сам принимал участие в подготовке, то в I томе (СПб., 1878, С.258-259) к своей заметке «Письмо из Парижа» он сделал такую подстрочную сноску: «Бывали статьи мои и за подписью «Журнальный сыщик», но здесь встречаются и контрфакции, подделки. Сам издатель «Телеграфа» или другие по особым поручениям чиновники его подписывались под мою руку. Так

что я, пересматривая «Телеграф», не могу теперь заподлинно знать про иную статью, моя ли она или нет». Я это свидетельство обнаружила в 1954 году. Архив С.Д. Полторацкого, разобранный и описанный через много лет в ЦГАЛИ, подтвердил это.

Подводя итоги изложенного, можно сказать, что культура научного труда — это триединая формула: ясность и оригинальность мысли, точность слова, бережное отношение к факту.

В заметке Пушкина «О прозе» (1822 г.) читаем: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат»³.

Пушкин имел в виду художественную прозу, но его характеристика имеет отношение и к научной прозе.

Приложение

К чему приводят ошибки памяти? Не доверяйте памяти. Особенно строго следите за своей памятью. Проверяйте свою память, которая может подвести бессознательно, но не так, как П.А.Мезенцева и М.Я.Полякова.

³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. М., 1958. Т.7. С.15.

Когда в декабре 1975 г. (в связи со 150-летием восстания декабристов на Сенатской площади в Петербурге) на Ленфильме вышел фильм «Звезда пленительного счастья», в редакции газет и на радио пошли многочисленные запросы, как понять названия фильма.

Конечно, плохо поступили создатели картины (авторы сценария В.Мотыль и О.Осетинский, при участии М.Захарова), не показавшие, что в ее названии вынесена строка из известного стихотворения Пушкина «К Чаадаеву» (1818 г.), в котором поэт обнадеживающе восклицал:

*«Товарищ, верь: взойдет она,
звезда пленительного счастья»*

Но еще хуже поступила редакция газеты «Ленинградская правда» 14 декабря 1975 г., поместившая статью известного литературоведа Райсы Мессер «Поколение первое („Звезда пленительного счастья“ — новая картина „Ленфильма“))». Р.Мессер понадеялась на свою память и беспечно заявила: «Название фильма не случайно. Это слова из пушкинского послания декабристам «Во глубине сибирских руд».

Тут уже в редакцию газеты бурным потоком пошли протесты более осведомленных читателей.

Через 3 дня (в номере от 17 декабря) ошибка была исправлена: под снимком, воспроизводящем кадр из фильма, говорилось, что в названии картины даны «строки пушкинского послания «К

Чаадаеву» (впрочем и здесь небольшая неточность: правильнее было бы сказать не строки, а «строка»).

Другой пример — действительно, не верь глазам своим. В конце 1982 г. Лениздат выпустил справочник «Музеи Ленинграда» (автор-составитель В.И.Сидорова). Повествуя о квартире Н.А. Некрасова в доме на углу Литейного проспекта и бывшей Бассейной улицы, которую поэт занимал с 1857 г. по день своей смерти в 1877 г. и в которой теперь Мемориальный музей-квартира Н.А. Некрасова, автор справочника утверждает, что у Некрасова на этой квартире «бывали друзья Пушкина А.А.Дельвиг, декабрист П.Г.Каховский, поэт В.А. Жуковский» (стр. 102). Однако ни один не был и не мог бывать на упомянутой квартире Некрасова: Каховский был казнен в 1826 г., А.А.Дельвиг умер в 1831 г., В.А.Жуковский умер в 1852 г., а Некрасов только через пять лет после этого, в 1857 г., занял известную названную квартиру, т.е. и здесь автор-составитель В.И.Сидорова доверилась памяти, которая ее подвела.

Следовательно, к своей памяти следует относиться с не меньшей строгостью, чем к чужой. От нее требуется не меньшая научная объективность, точность, добросовестность.